

Внимание Аврелия, убаюканное непрерывным разговором подруги, незаметно перешло на иные, гораздо более приятные темы: он вспоминал старинные керамические сосуды из своей коллекции, трактат Колумеллы о садах, изящество куртизанки Цинции.

— ...Моя дочь! — громко воскликнула пышнотелая матрона. От неожиданности Аврелий вздрогнул и опрокинул чашу. — Иногда кажется, что ты совсем не слушаешь меня, — хмурясь, упрекнула его Помпония, а раб поспешил вытереть со стола пролитое вино.

«Возможно ли, чтобы Помпония вновь родила... — удивился патриций. — Нет, — исключил он, — хотя она и старается всячески скрыть это, всё-таки давно перешагнула детородный возраст».

— Лучилле почти двадцать три года, — объяснила подруга.

«Наверное, какая-то ошибка молодости, — решил ошеломлённый сенатор, — ошибка, о которой добрый Тит Сервилий, муж Помпонии, остался в неведении...»

— Она выходит замуж через пять дней. К сожалению, Тит в Лукании и не сможет присутствовать на свадьбе. Я надеялась, что ты придёшь вместо него.

— Но в таком случае Сервилий... — в изумлении заговорил Аврелий.

— Он удочерил её ещё до отъезда! Это дочь моей покойной двоюродной сестры Кальпурнии — да избавят её боги от мучений в царстве Аида! — а отец — Лучо Аррианий, учитель риторики, — уточнила Помпония. — Их единственный

сын скончался ещё прежде, чем надел мужскую тогу. Не имея наследника, Аррианий хочет усыновить Оттавия, своего лучшего ученика, и женить на своей дочери, чтобы он продолжил его род. Таким образом, дети станут братом и сестрой. И для того, чтобы стало возможно бракосочетание, необходимо, чтобы кто-то в свою очередь удочерил Лучиллу. Мы сразу же предложили свои услуги, разве не великолепно?

Аврелий не мог не согласиться.

— Как приёмная мать невесты, — продолжала Помпония, — я устраиваю всё торжество: церемониал на старинный манер со свадебными хорами. Лучилла под вуалью, повсюду лепестки роз и, естественно, званый ужин! Подруги уже пришли, чтобы помочь ей выбрать куклу, которую она положит на алтарь.

Матрона утёрла невольную слезу. Древняя традиция требовала, чтобы невеста во время свадьбы рассталась со своей любимой игрушкой в знак прощания с детством.

— Мы отказались от прялки и веретена, потому что они уже совсем вышли из моды, но Оттавий поднимет Лучиллу на руки и внесёт в спальню.

Патриций кивнул. Он знал поверье, по которому, если невеста, не приведи бог, споткнётся на пороге спальни, то это станет недобрым предзнаменованием для будущей жизни супругов.

— Можешь рассчитывать на меня, — заверил Аврелий.

Девушка, о которой можно позаботиться, это как раз то, что требуется Помпонии. С тех пор,

как несколько лет назад во время войны с парфянами погиб её сын, матрона одарила морем любви целую стаю юных девиц, но это тем не менее не смогло полностью исчерпать её нерастраченные материнские чувства.

Тут из атриума донёлся женский голос, и стало ясно, что пришла гостья.

— Это, наверное, она. Я вас познакомлю! — обрадовалась Помпония, а раб-привратник торжественно сообщил:

— Лучилла Арриания!

В дверях появилась необыкновенной красоты девушка: миндалевидные, почти восточного типа глаза скромно опущены, как и полагается молодой незамужней женщине в присутствии важного мужчины; тонкая шея, изящно изогнутые брови, на мочке уха крохотная родинка, пухлая нижняя губа выражает некоторое недовольство.

Девушка робко улыбалась.

— Она очаровательна! — в восторге шепнул Аврелий.

— Ах, дочь моя, ты произвела сильное впечатление на сенатора Стация, а ведь ему очень трудно угодить в том, что касается женской красоты! — с невероятной гордостью проговорила Помпония. — Однако ты, Аврелий, и думать не смей ни о чём таком! Лучилла выходит замуж, и за очень достойного молодого человека. Ты счастлива, сокровище моё?

— Я люблю Оттавия с детства, тётушка Помпония.

— Мама! — поправила её матрона, а патриций с удовольствием слушал этот разговор.

Брак по любви — кто бы мог подумать!

Граждане Рима связывали себя узами брака по многим хорошим причинам: делёж наследства, необходимость политической поддержки, упрочение семейных союзов, но крайнее редко при этом имело место искреннее чувство.

Поэтому считалось само собой разумеющимся, что супруги, похвально потрудившись над продолжением рода, обретали одного или нескольких отпрысков, а затем жили отдельно, каждый своей собственной жизнью, ища на стороне чувство, которое не смог дать супружеский союз.

Аврелий сам женился в двадцать лет, но вскоре по взаимному согласию развёлся, чем положил конец бурному сосуществованию мало подходящих друг другу людей.

— Я с таким трудом нашла парикмахершу, которая умеет украшать тутулус⁴. Теперь женщины чаще всего отправляются замуж в том же виде, в каком ходят на рынок за покупками. Не стало больше никакой торжественности, величественных церемоний, — причитала Помпония, которая всегда и во всем придерживалась самых современных взглядов, но, может быть, именно благодаря этому нередко сожалела о наиболее впечатляющих моментах древних обычаев. — А самой волнующей была старинная традиция бракосочетания «кум ману», когда невеста обращалась к мужу со словами: «Где будешь ты, Гай, там буду и я, Гая!» Так в прежние времена жена давала мужу обет верности.

⁴ Свадебная причёска в виде высокого конуса, повторяющая причёску этрусских женщин.

— И становилась его абсолютно бесправной рабыней, оставаясь несовершеннолетней на всю жизнь! — возразил Аврелий. — Не уверяй меня, будто именно ты, Помпония, оплакиваешь те времена!

Патриций, со своей стороны, был очень рад, что родился не тогда, когда женщин запирали в домах, чтобы они пряли там шерсть. Теперь, к счастью, римлянки, во всяком случае наиболее состоятельные, пользовались свободами, и даже чересчур многими, если послушать моралистов. Для женщин из бедного сословия и рабов, напротив, всё складывалось иначе: изнурительный труд, рождение одного за другим множества детей и рано или поздно смерть после длительной агонии, которыми завершались особенно трудные роды.

— Я вовсе не хочу, чтобы вернулись прежние времена! Я считаю, что традиции становятся интересными, только когда к ним перестают относиться всерьёз... Ах, но мы наскучили Лучилле. Ну, как дела, дорогая? У тебя дома всё готово?

— Да, мама, — ответила Лучилла. — Ждём вас на рассвете. Так до свадьбы сенатор сможет стать свидетелем усыновления Оттавия моим... его... — Девушка слегка запуталась во всех этих формальных переменах родственных связей.

— Ах, была бы жива бедная Кальпурния, — вздохнула матрона, а девушка решила, наконец, обратиться к уважаемому гостю:

— Благодарю тебя, сенатор, за честь, которую оказываешь нам, согласившись присутствовать на свадьбе, несмотря на то что я выхожу замуж за небогатого человека.

— Но обладающего блестящим талантом, как мне говорят, что гораздо важнее социального статуса, — улыбнулся Аврелий.

Лучилла покраснела от гордости, весьма обрадовавшись добрым словам сенатора о её будущем муже.

— Останетесь поесть? Я прикажу быстренько приготовить небольшой ужин... — предложила Помпония.

Аврелий испугался: «небольшой ужин» у матроны означал по меньшей мере восемь или десять перемен, и не самых лёгких для желудка.

— Я в самом деле не могу, — спасла его Лучилла. — Мне нужно сейчас же вернуться домой и заняться последними приготовлениями. Кстати, не видели Наннион? Она куда-то пропала.

— Эта глупая служанка не очень-то тебе помогает! Я найду более подходящую, ведь теперь тебе придётся заниматься домашним хозяйством! — весело пообещала Помпония и, красуясь в сандалиях на высокой платформе, проводила к двери новую дочь.

В атриуме они встретили Наннион, не сводившую глаз с Кастора, секретаря Аврелия. Любезный вольноотпущенник, видя, какое произвёл впечатление, уже готов был решительно атаковать наивную служанку, но вовремя заметил краем глаза в конце коридора её госпожу.

Поспешно оставив свою жертву в покое, он склонился в почтительном поклоне, безупречном, но в то же время без малейшего намёка на смирение.

— Аве⁵, госпожа!

Помпония снисходительно взглянула на него.

Она питала слабость к хитрому слуге Публия Аврелия, хорошо зная, как он умеет выручать хозяина из щекотливых затруднений.

— Ты здесь, наконец-то! — сказала Лучилла, обращаясь к Наннион.

Служанка поспешила отнять ладонь, спокойно лежавшую в цепкой руке Кастора.

— Я провожу твою дочь, Помпония, — предложил Аврелий. — Уже темнеет, как бы не встретился ей какой-нибудь недобрый человек.

Римские улицы были небезопасны с наступлением темноты, особенно для богатой и красивой женщины: за каждым углом могли притаиться в засаде воры и налётчики, не говоря уже о бандитских шайках, всегда готовых напасть на одинокую девушку.

— Не хотела бы я, чтобы твоё сопровождение оказалось для Лучиллы опаснее, чем путешествие в одиночку! — проворчала Помпония, хорошо знавшая склонность Аврелия к любовным приключениям.

Матрона, однако, напрасно беспокоилась. Патриций, хоть и оценил красоту девушки, не увлёкся ею. Лучилле чего-то доставало: крупницы лукавства, может быть, капельки агрессивности или того зёрнышка безрассудства, которое способно вскружить голову такому мужчине, как он. Поэтому он без труда пообещал подруге, что доставит невесту живой и невредимой в отеческий дом.

⁵ Ave (лат.) — традиционное приветствие в Древнем Риме.

II

ЗА ЧЕТЫРЕ ДНЯ ДО НОЯБРЬСКИХ КАЛЕНД

В то роковое утро ещё до восхода солнца великолепный паланкин с матовыми стёклами и занавесками из тончайшего полотна медленно несли по мощёным улицам Рима восемь могучих, чернокожих нубийцев.

Рабы-глашатаи шли впереди паланкина, за ним шествовал Кастор в роскошном синтезисе⁶ из гардероба хозяина, и далее следовала толпа слуг.

Верный секретарь нёс на красной подушке свадебный подарок — инкрустированную слоновой костью шкатулку, в которой находилось десять алебастровых египетских баночек с кремом, источавших густой аромат мирры и розы. Чтобы сохранить его, баночки держали в подземном леднике среди кусков льда, куда Аврелий отправлял для охлаждения свою цервезию⁷.

— Ну, вот и приехали, наконец, — зевнув, произнёс сонный патриций, стараясь окончательно проснуться после раннего побуждения.

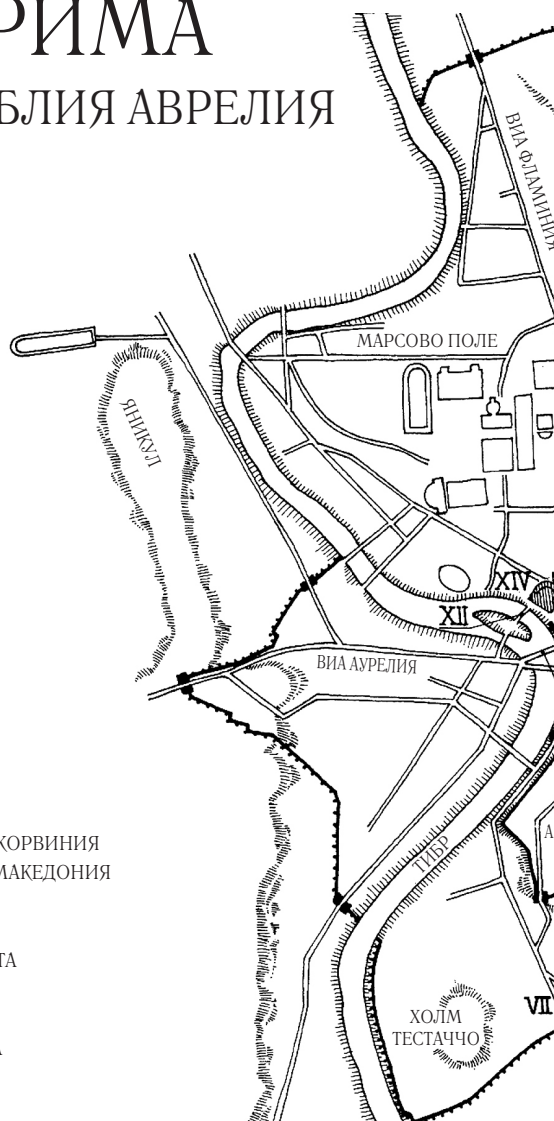
В этот предрассветный час большая часть Рима уже была на ногах и трудилась. Лавочки у ворот города открывались, а торговцы, для которых они служили ещё и домом, распахивали

⁶ Греческое мужское платье, которое надевали специально для торжественного ужина.

⁷ Напиток, весьма похожий по вкусу и составу на современное пиво.

ПЛАН РИМА

ВРЕМЕН ПУБЛИЯ АВРЕЛИЯ

- I ШКОЛА АРРИАНИЯ
- II ДОМ АВРЕЛИЯ
- III ДОМ ИРЕНЕИ
- IV МЕНЯЛЬНАЯ ЛАВКА КОРВИНИЯ
- V МЕСТО ПРОМЫСЛА МАКЕДОНИЯ
- VI ДОМ АРРИАНИЯ
- VII ПИРАМИДА ЦЕСТИЯ
- VIII КОЛЛИНСКИЕ ВОРОТА
- IX ДОМ ПАНЕЦИЯ
- X КАПЕНСКИЕ ВОРОТА
- XI НЕВИЙСКИЕ ВОРОТА
- XII МОСТ ФАБРИЦИЯ
- XII МОСТ ЭМИЛИЯ
- XIV ТЕАТР МАРЦЕЛЛИЯ

деревянные ставни, быстро удаляя все следы ночлега: соломенные тюфяки засовывались на антресоли, узкие кожаные раскладушки превращались в небольшие скамейки для первых покупателей, которые вскоре появятся. Столы, отмытые от остатков вчерашнего ужина, как по волшебству превращались в прилавки, доверху заполненные товарами вдобавок к тем, что висели на верёвках, натянутых с одной стороны улицы на другую.

Аврелия, известного полуночника, Парису пришлось буквально силой стащить с кровати. Заботливый управляющий был единственным из слуг, кто умел оставаться глухим к сонным ругательствам хозяина.

Понадобилось добрых два часа, чтобы искупаться, побриться и выбрать тунику, не говоря уже о времени, какого требует сложнейшее облачение в тогу, все складки которой должны быть уложены как нельзя лучше.

В таком вот безупречном виде, с пурпурной лентой — латиклавой — на самом виду, как и положено сенатору, Аврелий и вышел из паланкина перед домом Арриания.

— Аве, Аврелий! — встретил его хозяин, предлагая в знак приветствия хлеб и соль.

— Сенатор Стаций! — воскликнул красивый юноша атлетического сложения с влажными чёрными глазами и пожал ему руку уверенным жестом, не слишком заискивающим, но и не слишком нахальным, что очень понравилось патрицию. — Я слышал о твоей великолепной библиотеке...

— Оттавий, ну неужели и в день свадьбы нельзя обойтись без разговоров о библиотеке? — прервала его Помпония, подойдя в этот момент в окружении целой толпы служанок. — А где же невеста?

— Ещё готовится. Если пожелаете проследовать за мной, можем перейти к усыновлению, — предложил Аррианий, с удовольствием потирая руки.

Аврелий не спеша прошёл в таблинум, смирившись с тем, что его ждёт смертельная скука. Есть что-то раздражающее в этом учителе риторики, подумал он, что-то приторное и елейное в его нарочитой вежливости, казавшейся фальшивой, подобно вопросам — риторическим, кстати сказать, — на которые уже известны ответы.

Спустя два часа, потраченных на выслушивание Арриания и невероятно говорливой Помпонии, сенатор задался вопросом, когда же, наконец, начнётся брачная церемония. Но, увы, он ещё не знал о визите учеников.

Неожиданно из атриума донёсся какой-то громкий шум, учитель риторики поспешил изобразить на своём лице приличествующую случаю широкую улыбку, и Аврелия, который по неосторожности оказался рядом с ним, окружила целая толпа школьников в тогах с красной, как и у него, каймой в знак святости отрочества⁸.

⁸ Praetextae (лат.) — претекста, у римлян верхняя одежда, отороченная красным, как знак отличия благородных детей (обоего пола) до совершеннолетия; также одежда верховных властителей — с более широкою обшивкой.

Священного, однако, у этой шайки мальчишек имелось очень мало, во всяком случае, если судить по тому, с каким исступлением они набросились на Аврелия без всякого почтения к его сенаторским знакам отличия. Начищенные до блеска невысокие сапоги с полулуньями они бесцеремонно затоптали, а безупречная тога, которую тянули во все стороны липкие руки, в один миг утратила красоту своей драпировки.

Один из мальчишек прыгнул на сенатора прямо с бюста Гомера, а другой раскачивался над ним, повиснув на шторе таблинума; третий, с густыми кудрями, ниспадавшими на лицо, прихрамывая, выбирался из кухни с украденными там сладостями.

Аврелий отважно держался некоторое время, но потом после очередного удара решил осторожно ретироваться во внутренний дворик, где надеялся как-нибудь исправить ущерб, нанесённый его изысканному сенаторскому одеянию.

Вскоре, более или менее приведя себя в порядок, он принялся искать надёжное место, где можно было бы переждать это нашествие.

— Да, это, конечно, не дворец, — услышал он за спиной чей-то мягкий голос. Очевидно, кто-то имел в виду стены, нуждавшиеся в срочной штукатурке, и сдвинутые черепицы на крыше.

Патриций обернулся и вытаращил глаза, сражённый чарующим миражом: между обшарпанных колонн стояла невеста — стройная фигурка, обтянутая белоснежной туникой с золотой ото-

рочкой. И вдобавок — о чудо какого-то великодушного бога! — в её изящных жестах, в гордом пожатии плечами, в смеющихся глазах вспыхнула вдруг та колдовская искра, какой не было у неё тогда, в доме Помпонии.

Сенатор даже издал возглас удивления, а девушка откинула назад голову с густой копной чёрных волос, которые вопреки всем приличиям мягкими локонами закрывали уши, украшенные золотыми полунуниями. Только императрица, легкомысленная Мессалина, смела представлять на публике с такой причёской!

Увидев, как изумился сенатор, девушка рассмеялась. Звонкий смех её походил на звучание кимвалов. Этот был звук самой жизни, которую не в силах были обуздать тесные рамки приличий.

— Лучилла? — проговорил Аврелий, не веря своим глазам. Когда он видел её первый раз, она была сама скромность, теперь же смотрела на него из-под тёмных ресниц прямо и с веселой дерзостью.

— Ты ошибаешься, я — Камилла! — засмеялась женщина. — Не удивляйся! Все попадают в эту ловушку, потому что мы с Лучиллой абсолютные близнецы и никто не может различить нас!

— Богиня Афродита пожелала сделать нам, смертным, двойной подарок! — в восхищении воскликнул патриций.

Почему же Помпония ничего не сказала ему об этом? Он был уверен, что коварная матрона промолчала нарочно.